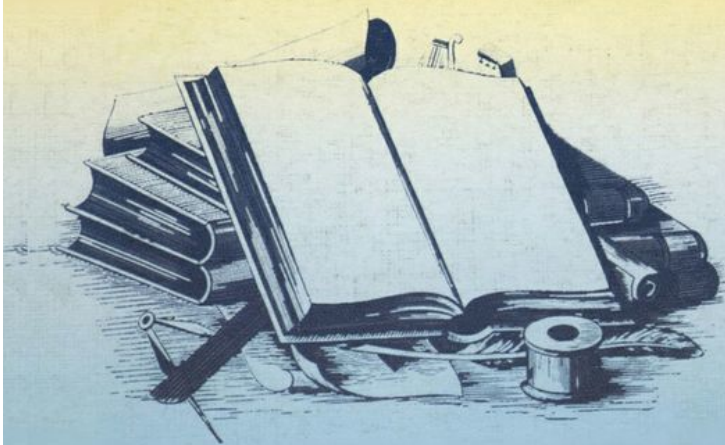

ПАВЕЛ ШАРОВ

ГОДЫ И ЛЮДИ

РАССКАЗЫ

Павел Шаров

Годы и люди. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24612476

ISBN 9785448539640

Аннотация

В книге Павла Шарова «Время и люди» и история, и современность показаны сквозь призму судеб разных людей. Мы увидим их в детстве, юности, в любви, работе и отдыхе. Люди эти разные по своему социальному статусу, образованию и интересам. С ними автор не раз встречался на долгом жизненном пути и постарался ярко и увлекательно рассказать об этих встречах.

Содержание

Рассказы	5
Охранник	5
Случайная встреча	45
Письма сыну	53
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Годы и люди Рассказы

Павел Шаров

Редактор Евгения Орехова

Дизайнер обложки Владимир Мицкевич

© Павел Шаров, 2017

© Владимир Мицкевич, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-3964-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказы

Охранник

Сегодня концерт прошёл на ура. Элю несколько раз вызывали на бис. Она пела самозабвенно. Когда концерт закончился, на сцену посыпались цветы. Букеты цветов. Публика была в восторге, долго аплодировала новой звезде эстрады.

На сцену уверенной походкой вышел солидный человек с квадратным лицом, небольшой лысиной и большим букетом. Он подошёл к Эле, поцеловал ей ручку, вручил букет и тихо произнёс:

– Вы мне очень понравились. Надеюсь встретиться с Вами в ближайшее время.

Затем он сунул в букет свою визитку и, откланявшись, сошёл в зал.

В примерной Эля спросила своего импресарио:

– Василий, ты не знаешь, кто этот человек с квадратным фейсом?

– Череповский. Хозяин рынков города. Личность тёмная. Кличка Череп. От него надо быть подальше.

Но подальше не получилось. Когда она выходила из театра, её подхватили два амбала со свиными рожами и, по-собачьи улыбаясь, потащили в стоящий рядом джип.

– Вы куда меня тащите? – возмутилась Эля. – Немедленно отпустите! Вася! Куда ты девался?!

Но импресарио Вася никуда не девался. Чувствуя опасность, он, выходя из театра, позвонил в полицию, притворившись, что на него напали. Эля активно сопротивлялась. Вася с одним из благодарных посетителей концерта пытались помешать бандитам, но, получив по паре хороших ударов, сошли с дистанции. Когда Элю уже дотащили до джипа, на площадке перед театром появилась машина с мигалкой, из неё выскочили два полицейских. К ним подскочил Вася, и как раз в этот момент Эля закричала: «Помогите! Помогите!»

Бандиты бросили Элю, нырнули в джип, и тот рванул с места, взвизгнув покрывками.

– Что у вас тут? – спросил полицейский.

– У нас чуть было не совершилось похищение человека, – сказал Василий. – Это я вам звонил.

– А кто на вас напал?

– Я импресарио, отвечаю за артистку Элю Золотовскую, которую на ваших глазах чуть не утащили в резиденцию Черепя... простите – Череповского. Я прошу прощения за экстренный вызов. Вот вам компенсация.

И он сунул в руку старшему лейтенанту полиции две купюры по тысяче рублей.

– Ладно, – сказал старший лейтенант, обращаясь к своему напарнику, – эксцесс исчерпан. Поехали.

И полицейская машина уехала вслед за джипом.

Василий Петрович подвёз Элю на своей машине до дома и на прощанье сказал:

– Дело серьёзное. Эти так не отвяжутся. Надо нанимать охрану. Хотя бы на время этого сезона. Дальше видно будет.

– А сколько это будет стоить?

– Дорого, – коротко ответил Василий.

В обществе Эли появился сопровождающий Костя Ломов. Фамилия его соответствовала внешнему виду. Рост был под два метра. Волосы – рыжий бобрик. Кулачищи – с Элину голову. Нос, скулы, лоб – будто сработаны топором дровосека. Разговаривал басом. Своё общество не навязывал, находясь всегда на несколько шагов сзади. На окружающих он производил неизгладимое впечатление: «Уди! Уди!» Неудивительно, что после появления Кости попыток похищения красавицы Эли больше не повторялось.

Однажды у Кости что-то случилось. Он позвонил своему товарищу Альберту с просьбой подменить его на этот вечер в качестве охранника певицы.

Встретились на набережной Невы. Костя с Элей вышли из машины и стали ждать.

– А он кто? – спросила Эля.

– Ничего особенного. Просто хороший парень. Достаточно крепкий, чтобы уложить в нокаут двух-трёх среднестатистических бугаёв.

Простой парень подъехал на джипе. Эля увидела перед собой среднего роста блондина с голубыми глазами, крепкого

телосложения. Бросилась в глаза военная выправка Альберта, несмотря на то что он был одет в штатскую одежду. Хорошо скроенный серый костюм, светло-голубая рубашка с расстёгнутой верхней пуговицей, до блеска начищенные чёрные ботинки и какая-то уверенность в походке, движениях и словах. Представился Эле: «Альберт», поздоровался с Костей. Когда представлялся Эле, произошла пятисекундная заминка: они встретились глазами, и Эле показалось, что она утонула в прекрасном голубом озере его глаз. Кроме спокойствия и уверенности, в них была какая-то завораживающая солнечная радость, радость встречи, которую они долго-долго ждали.

– Альберт, – обратился Костя, – если успею, подъеду к концу торжества. Если нет – отвези Элю домой и сразу мне позвони.

– Хорошо, – ответил Альберт, – не беспокойся.

Он открыл дверцу джипа и пригласил Элю занять место рядом на переднем сиденье.

– Спасибо, – сказала Эля, кокетливо тряхнув локонами спадающих на плечи волос.

– Куда едем?

– На Фонтанку.

И Эля назвала адрес, где сегодня в большом зале собирается цвет санкт-петербургской публики. Презентация новой книги известного поэта, выступления продвинутых артистов, фуршет и показательные танцы под музыку извест-

ного инструментального оркестра.

Когда показательные танцы профессиональных танцоров закончились, публика закружилась в вихре вальса. Элю приглашали. Она много танцевала. Альберт стоял у окна и наблюдал за своей подопечной. Наконец объявили белый танец. Дамы приглашают кавалеров, как в старые добрые времена. Эля подошла к Альберту и пригласила его на танец. Грянула музыка, и они закружились в толпе таких же молодых пар.

Эля с первых секунд почувствовала уверенность и силу своего партнёра. Она расслабилась и полностью подчинилась ему. Круги, которые они делали, становились всё шире и шире, по мере того как заинтересованные их танцем пары расступались, освобождая пространство. Эля порхала бабочкой. Ей казалось, что она уже оторвалась от гладкой поверхности паркета и удерживалась в воздухе сильными руками Альберта.

Вдруг расстояние между ними увеличилось, а затем резко сократилось, и они закружились, как фигуристы на льду. Миг, и она взлетела в воздух, как ей показалось, высоко-высоко, вращаясь уже без опоры. Публика, давно превратившаяся из танцующих в зрителей, ахнула. Прокрутив свой волчок, Эля снова оказалась в руках Альберта. Она не успела понять, что это было, уставилась на него и впервые увидела, как он улыбается. Скорость их вращения пришла в соответствие с ритмами вальса, и музыка умолкла. Альберт встал

на одно колено и в таком положении проделал по инерции последний оборот, закончившийся поцелуем маленькой туфельки Эли.

Бурные аплодисменты. Теперь и Эля улыбалась, ведомая своим кавалером туда, откуда начинался их танец, – к окну.

Вечер прошёл удачно. Костя так и не появился. Нужно было возвращаться домой. Спускаясь по лестнице к выходу, Эля посмотрела на Альберта, который считал теперь возможным вести её под ручку.

– А мы с Вами ещё встретимся? – спросила она, с сожалением констатируя, что праздник кончается.

– С удовольствием, – ответил Альберт, – если Вы позволите.

И снова от его обворожительной улыбки у Эли захватило дыхание.

– Вот моя визитка.

– А вот это моя, – Эля вынула из сумочки визитку и вручила Альберту.

Они уже выходили, когда какой-то невежливый человек разделил их своим грузным телом, и в этот момент двое других схватили Элю и закинули её на заднее кресло жигулей. Альберт успел ухватить обеими руками задний бампер машины и приподнять её вместе с сидящими пассажирами. Водитель газанул, задние колеса закрутились, но машина не сдвинулась с места. Рассвирепевший бугай выскочил с правой стороны из машины. Водитель выключил зажига-

ние. Альберт подбежал к передней дверке, рванул её на себя. «Слава Богу – не заблокировано», – подумал он. Выхватил ключ из замка зажигания и выбросил его в Фонтанку. В это время сзади подскочил бугай, и тут, не разворачиваясь, Альберт ударил правым каблуком ботинка ниже пояса нападавшего. Пока тот, согнувшись, переживал неожиданный удар, Альберт схватил его за шиворот одной рукой, за штаны – другой, приподнял и бросил в Фонтанку принимать водные процедуры. В это время нарисовался второй из тех, кто тащил в машину Элю. В его руке сверкнула сталь пистолета. Альберт резко отклонился в сторону и одновременно ногой выбил пистолет из руки бандита. Раздался выстрел, который был уже направлен в небо. Туда же полетел и пистолет. Альберт ухватил обеими руками правую кисть бандита так, что два больших пальца упёрлись в тыльную часть этой кисти. Резкий поворот кисти налево и вперёд. Одновременно с треском ломаемых костей раздался истошный вой. Вторым бугай последовал за первым через барьер в Фонтанку.

«Купайтесь», – подумал Альберт, открывая переднюю дверку автомашины. Там с дрожью в коленках сидел водитель.

– Выходи, – сказал Альберт, – поедем в моей машине.

Эле показалось, что она теряла сознание. Очнувшись, она ничего не поняла. Поняла только то, что до смерти испугалась.

– Эля выходи из машины, поедем с нами.

Альберт взял перепуганного водителя за локоть и подвёл к своему джипу.

– Садись за руль.

Расселись: рядом с водителем – Альберт, на заднем сидении – всё ещё не пришедшая в себя Эля.

– Куда ехать? – спросил водитель.

– Туда, куда ты хотел её везти.

– К Черепу, что ль?

– А у твоего Черепа позвоночник есть?

– Наверно, есть.

– Вот мы сейчас из его позвоночника бантик сделаем.

Поехали. Эля так была потрясена происходящим, что принимать какое-либо участие в решении своей судьбы просто не могла. Она могла только дрожать.

Подъехали к многоэтажному зданию. Альберт взял у водителя ключ от своего джипа, протянул руку Эле, и они втроём пошли к входу в фирму Черепа.

– Куда мы идём? – наконец решилась спросить Эля.

– К Вашему новому знакомому.

– А зачем?

– Ну, он хотел свидания с тобой. Вот мы ему и предоставим такую возможность. Только в моём присутствии.

Подошли к входной двери.

Два молодых парня из службы охраны Черепа распорядились:

– Вы и вы, – показали они на водителя и Элю, – проходите.

А вы подождите здесь.

– Согласен, – ответил Альберт, – с коррекцией вашего текста. Мы пройдем, а вы подождёте здесь.

Два удара по животам – согнулись. В согнутом состоянии соударение лбами.

«Вот так дерутся бараны», – подумал Альберт и уронил охранников в разные стороны от входа.

Прошли на второй этаж. Внизу послышался шум.

– Вот его кабинет, – сказал водитель.

– Открывай, а сам оставайся здесь.

Водитель открыл дверь. Альберт с Элей вошли. В скважине ключ, за столом Череп.

Альберт запер дверь.

– Ждали? – спросил Альберт Черепу.

Раздался звонок. Череп взял трубку и через пару секунд вытаращил глаза:

– Что?!

«Ага. Снизу звонят или из Фонтанки выползли», – подумал Альберт.

В дверь стали стучать. Потом – грохотать. Череп сунул руку в стол, но поднять её уже не успел. Быстрое движение – и в его руку, выше запястья, пролетев несколько метров, вошло лезвие специального плоского ножа. Пистолет упал на пол.

– Гражданин Череповский, – обратился к нему Альберт, – прекратите этот балаган. Мы с вами серьёзные люди. При-

кажите, чтобы в коридоре перестали шуметь. Давайте, я вам руку перевяжу. А то, пока разговариваем, кровью истечёте.

Пока Альберт туго перевязывал Черепу раненую руку куском шторы, тот позвонил по сотовому телефону, и шум прекратился.

– Чего вы хотите? – спросил Череп.

– Ничего материального. Только духовное. Прекратите, мягко говоря, ухаживать за моей невестой.

– Иначе?

– Иначе... очнётесь в питомнике для обезьян где-нибудь на Сейшельских островах.

– А вы кто?

– Я не могу вам это сказать. Не имею права.

Молчание.

– Ну, так договорились? – обратился к Черепу Альберт.

– Хорошо, договорились.

– Тогда позвоните, чтобы нам не мешали выйти. Честно говоря, мне жалко, если с вашими ребятами что-нибудь случится.

Череп набрал номер.

– Валет, выпусти их. Нет-нет. Безо всякой ответной контрибуции.

– Извините, я, пожалуй, подстрахуюсь, – сказал Альберт и тоже позвонил: – Алло. Лохматый, разберись, где дача Череп. Если со мной что-нибудь случится, сожги её, а самого хозяина – на шашлык овчаркам. Простите, – снова обратил-

ся он к Черепу, – такова жизнь. Прощайте. Надеюсь, больше не встретимся.

Альберт вынул из кармана ключ от кабинета, открыл дверь, и они с Элей вышли в коридор, где по стенкам выстроились ошестинившиеся, как цепные псы, охранники шефа. Когда отъезжали от здания фирмы Черепы, Эля уже окончательно пришла в себя и спросила:

– А что это за Лохматый, который делает из людей шашлык для собак?

– Это я выдумал. Как говорится, для понта.

– А про то, что я Ваша невеста, тоже для понта?

Альберт остановил машину, включил аварийные мигалки, взял её руку в свою и, глядя на Элю своими голубыми, глубокими, как бездна, глазами, сказал:

– Нет, Эля. Не для понта. У меня голова кругом идёт, когда я гляжу на Вас.

У Эли на глазах появилась слезинка. Она смотрела на него так, как смотрит человек всю жизнь искавший и наконец нашедший своё счастье. Резкий контраст от безумного страха до ощущения огромного счастья сломили её, и она, уткнувшись в его грудь, разревелась, содрогаясь всем своим хрупким телом.

Подъехавший к ним автоинспектор представился, потребовал документы. Альберт показал ему какую-то книжку, и тот, козырнув, поехал дальше.

Василий Петрович прыгал от радости. От охранного

агентства можно было отказаться. Опасность по крайней мере со стороны одного из «соблазнительей», отпала.

На одной из вечеринок на даче дочери мультимиллионера средней руки собралась золотая молодёжь. В основном здесь были сынки и дочери денежных мешков, но там же сверкали своими талантами и молодые люди искусства, которые, обладая природными дарованиями, достигли высокого эстетического воздействия на людей. Среди них была и Эля. А там, где Эля, часто рядом появлялся совершенно непонятный человек лет тридцати, обладающий выдержкой, скромностью, прекрасной выправкой, и с добрым светом голубых глаз.

На этот раз хозяйка вечера предложила каждому попытаться чем-нибудь удивить собравшееся общество. Кто-то из сынков обеспеченных родителей попытался сжечь столонную купюру, подражая дореволюционным купцам конца девятнадцатого начала двадцатого века. Общество прекратило фокус в самом начале. Резюме: глупостью не удивишь. У фокусника отняли опалённую купюру и предложили придумать что-нибудь поэстетичней. Вариантов было много. Среди присутствующих даже оказался один парень, который безошибочно умножал трёхзначные числа в течение пяти секунд. Кто-то встал в стойку на руках и два раза отжался. Кто-то загадывал загадки, которые никто не мог отгадать, кроме автора, и так далее и тому подобное.

Эля с надеждой посмотрела на Альберта, который не собирался участвовать в этой игре. «Чего она хочет? Чтобы я

ударом по шее вырубил вон того толстяка?» – подумал Альберт. Но молчаливая просьба сделала своё дело. Он вышел на середину зала. Оценил расстояние от стены до люстры и попросил обычную половую щётку. Щётки не оказалось. Нашли в сарае дворника грабли. Альберт увидел на плечах одной девушки лёгкий шарфик. Попросил, заверив, что ничего с ним не случится, надел шарфик на конец рукоятки граблей, поднял грабли вверх и навесил шарфик на крючок люстры. Высота четыре метра. Допрыгнуть невозможно.

Все с интересом ждали, что будет дальше. Альберт подбросил грабли и ребром ладони резко ударил по рукоятке. Та разлетелась пополам. После этого он обратился к окружающим:

– Кто достанет без лестницы и каких-либо подставок?

Все озадаченно молчали.

Тогда он снял ботинки, пиджак, отошёл к дальней стенке зала, упёрся ногой в стенку, нагнулся и, оттолкнувшись, побежал, набирая скорость. Казалось, он сейчас разобьётся о противоположную стенку. Добежав до стены, он на полусогнутых, не теряя скорости, пробежал по стене и по инерции выбежал на потолок. Три-четыре шага по потолку и, вытянувшись, уже в падении снял шарфик с крючка. Сделав сальто в воздухе, приземлился на пол, встряхнул шарфик и возвратил его девушке.

Аплодисменты означали, что теперь этот молчаливый скромный парень раскрыл перед ними свои таланты.

– Ой! Вы ниндзя? – спросила одна брюнетка.

– Нет. Я хуже.

– А Вы летать умеете?

– С крыльями – да.

– Вы мастер спорта? – поинтересовался спортивного вида парень.

– Да. По трём видам спорта.

– Ой! По каким видам? – снова спросила брюнетка.

– По парашютному, по лёгкой атлетике и по вольной борьбе.

– Вы, наверное, какой-нибудь чемпион? – любопытствовала ещё одна девушка.

– Нет. Я с восемнадцати лет не участвую в открытых соревнованиях.

– А что? Разве есть закрытые?

– Разве Вы не поняли, в каких соревнованиях мы сейчас участвуем?

– Ха, ха, ха! А вы шутник.

– Ну что Вы. В основном я человек серьёзный. Правда, Эля?

– Правда, правда, – ответила Эля, гордая тем, какой ловкий и сильный у неё ухажёр.

Альберт пропал на целых три дня. Мобильный телефон недоступен. Эля взволновалась. Сначала в голову лезли тяжёлые мысли: «А вдруг с ним что-нибудь случилось, и он

лежит где-нибудь в реанимации без сознания». Затем, как молния, сверкнула мысль: «Нет. Он меня не любит. Недели знакомства недостаточно, чтобы понять и полюбить друг друга». Сомнения мучили её, и она уже готова была впасть в глубокую депрессию, как вдруг ей позвонил какой-то Вовик:

– Алло, это Эля?

– Да.

– Я Вовик, коллега Альберта. Он передаёт Вам привет. Завтра прилетает из загранкомандировки.

– А почему он сам мне не позвонил?

– Вылет был экстренный. А уж из-за рубежа не мог звонить по объективным причинам.

– А завтра он позвонит?

– Конечно. Он поручил мне привезти Вас с Костей завтра в полдень на показательные соревнования. Позвоню в десять.

Сомнения рассеялись. Мучительный комок в груди исчез, зато сердце запрыгало от радости. «Завтра! Завтра! Надо дожить до завтра».

Утром Эля в волнении не отходила от телефона. Ровно в десять раздался звонок:

– Алло. Это Вовик. Мы подъехали, стоим на парковке. Выходите, встречаем у подъезда.

Через пять минут Эля уже выбегала из кабины лифта на первом этаже. У входа в подъезд её ждали друг Альбер-

та Костя и незнакомый черноволосый парень с такой же выправкой, как Альберт, в военной форме старшего лейтенанта каких-то непонятных войск. Когда сели в машину, раздался звонок мобильного телефона Эли.

– Здравствуй, Эля. Это Альберт. Извини, что не смог позвонить перед отъездом. Так сложились обстоятельства.

– Как ты себя чувствуешь?

– Очень соскучился. Всё время думал о тебе.

Эля зарделась румянцем. От прежних переживаний не осталось и следа.

– Я очень рада. А что сейчас будет?

– Вовик всё расскажет. А мы с тобой встретимся после показательных соревнований.

Только Эля закончила разговор с Альбертом, как позвонил Василий:

– Эля, завтра концерт в Пскове. Прибытие сегодня. Жду тебя в двенадцать.

– Нет, нет! – закричала Эля. – Я заболела.

– Эля, не капризничай. Это серьёзно.

– Если серьёзно, то я приеду поздно вечером.

Василий озадаченно помолчал.

– Ладно. Жду тебя в двадцать два. Поедем на машине ночью. С гостиницей я договарюсь.

Ехать по лесным дорогам до места проведения соревнований пришлось часа полтора. Наконец лесной массив распахнулся, и взгляду открылась огромная площадь военного

городка со своими магазинами, больницей и прочей инфраструктурой. При въезде в городок – проверка документов. На окраине города – большой стадион с незнакомыми спортивными снарядами. С восточной стороны стадиона – трибуны для высокопоставленных наблюдателей и три ряда сидячих мест вдоль всей восточной стометровки.

Вовик заскочил в какой-то павильон, выскочил с биноклем в руке и повёл своих новых друзей к стадиону. Когда подошли, трибуна была заполнена военными с генеральскими погонами. Все сидячие места вдоль стадиона были заняты.

– Пошли к трибуне, – предложил Вовик, – там интересней будет.

У трибуны гудела толпа, наполовину одетая преимущественно в военную форму. Все напряженно ждали чего-то, поглядывая в небо.

– А что сейчас будет? – спросил Костя.

– Сейчас будет сюрприз, – ответил Вовик. – Через десять минут в воздухе появится самолёт, из которого выпрыгнет человек без парашюта, оснащённый лёгкими крыльями. Приземлится здесь, на противоположной стометровке.

– Господи, так ведь он разобьётся! – воскликнула Эля. – А вы знаете его?

– Знаю. И очень хорошо, – хитро улыбнулся Вовик.

Народ всё прибывал и прибывал. Весь городок собрался посмотреть на аттракцион, выполняемый всенародно впервые.

– Летит! Летит! – зашумела публика.

Вдалеке показался спортивный винтомоторный самолёт. Высота – километра полтора. Когда самолёт приблизился к городку, от него отделилась маленькая точка.

– Держите, – вручил Вовик бинокль Эле.

Эля стала смотреть и наконец поймала в окуляры летящего человека с раскрытыми крыльями, укреплёнными на вытянутых в разные стороны руках с какими-то небольшими удлинителями. Сзади крылья были укреплены к щиколоткам. Человек был похож на летучую мышь или летягу.

– Дай, дай посмотреть! – не терпелось Косте взглянуть на летящего к стадиону человека.

– Он в какой-то маске, – разглядел Костя.

Летящий человек, умело управляя крыльями, парил в воздухе, используя воздушные течения. Всё ближе и ближе. Вот он опускается, пытаясь попасть на начало западной беговой дорожки. На расстоянии десятков метров от стадиона он вдруг распахивает крылья поперёк направления полёта. Кажется, вот сейчас он коснётся земли и покатится кубарем на большой скорости. Но человек резко бьёт ногами об землю, расправляет крылья и вновь взлетает на десяток метров в высоту. Снова распахивает крылья поперёк движения. Скорость падает, и в конце беговой дорожки он сбрасывает крылья и, сложившись, катится колесом за стадион. Через некоторое время он выбегает на беговую дорожку, пересекает травянистое поле стадиона, подбегает к трибуне с гене-

ралитетом, сбрасывает защитные очки, облегающий голову шлем и...

«Альберт!!» – не верит своим глазам Эля.

– Товарищ командир спецгруппы «Салют», – докладывает Альберт, – Ваше задание выполнено. Полёт прошёл успешно.

Но Эля не слышит слова, которые произносит Альберт. Она видит только его лицо – это родное, любимое лицо. Слезы катятся по её щекам. На стадионе – громкие аплодисменты, овации, заглушающие ответное поздравление генерала и рыдания хрупкой Эли на груди у Кости.

Альберт увидел в толпе своих друзей, помахал им рукой и скрылся в раздевалке.

«На старт вызывается отряд курсантов спецгруппы», – сообщил диктор.

Через несколько минут справа от трибун в конце стадиона выстроились солдаты с полной боевой выкладкой.

– Что они будут делать? – спросил Костя Вовика.

– Сейчас увидите.

Дан старт первому из участников, он пробежал тридцать метров, запрыгнул на бревно длиной в двадцать метров, установленное параллельно грунту на стойках метровой высоты, пробежал по нему, спрыгнул. Затем подбежал к деревянной стенке шириной и высотой в шесть метров, цепляясь за выступы, забрался на вершину, прыгнул с другой стороны в яму, наполненную водой. Выбравшись из ямы, пробежал

ещё двадцать метров, занял обозначенную позицию, выстрелил три раза из пистолета в фанерные макеты противника, расположенные в тридцати метрах, подбежал к стойке в конце стадиона и нажал финишную кнопку.

– При попадании в голову макета, – объяснял Вовик, – на ней загорается светодиод. За каждый промах – десять штрафных секунд.

«Номер семнадцатый, результат сорок пять секунд», – объявил диктор.

Участников было десять. Лучший результат оказался тридцать восемь секунд. Худший промазал из пистолета два раза, результат в шестьдесят три секунды.

«А сейчас вы увидите, как будут работать эти курсанты через год. На старт вызывается номер одиннадцатый – старший тренер спецгруппы», – сообщил диктор.

– Это снова Альберт, – сообщил Вовик.

– А почему их называют по номерам? – снова любопытствовала Эля.

– Здесь не принято называть имя и фамилию участников на общественных мероприятиях. Только по номерам.

Альберт приготовился. Стартёр дал старт. Альберт быстро набрал скорость, на расстоянии одного метра до бревна оттолкнулся, запрыгнул на бревно, пробежал по нему, разогнался и, не цепляясь руками за выступы стенки, пробежал по ней вверх четыре метра, уцепился руками за верхнюю кромку стены, взлетел на неё и, сильно оттолкнувшись, пе-

релетел через яму с водой. В полёте сделал три оборота, стреляя при этом на лету в головы фанерных макетов. Приземлившись, подбежал к стойке с финишной кнопкой и нажал её.

«Одиннадцатый номер. Результат – девятнадцать секунд», – объявил диктор.

И опять бурные аплодисменты.

– Но это ещё не всё, – сказал Вовик, – пойдёмте вон к тому четырёхэтажному зданию. Альберт будет показывать очередную трюк.

– Он, наверное, уже устал, – сочувственно сказала Эля.

– У нас такого понятия нет, – ответил Вовик. – Умереть можем, но очень редко. А устать – никогда.

Подошли к зданию рядом со стадионом. Народ стал скапливаться около дома. К нему тоже вела беговая дорожка.

«Граждане, – прозвучал голос диктора, – освободите беговую дорожку к зданию. Сейчас будет показан скоростной способ преодоления естественных препятствий».

На старт вышел Альберт в лёгком спортивном костюме. Команда стартера, и Альберт, быстро набирая скорость, побежал к дому. Первые четыре метра он пробежал по стене дома без использования рук. Затем, цепляясь за неровности в стене, взлетел на крышу и пропал с другой стороны. Буквально через несколько секунд он уже появился из-за угла дома и вернулся к месту старта.

«Двадцать пять секунд», – прозвучал голос диктора.

– Шепну вам по секрету, – сказал Вовик, – там, за домом, дерево. Так Альберт прыгает на облюбленный куст дерева, хватается за него, и тот, прогибаясь, ставит Альберта на землю.

После этого на стадионе начались схватки противников по различным видам борьбы.

Естественно, что бои были показательные. Настоящие бои этих бойцов в реальных условиях боевых схваток с вражеским противником обычно продолжаются секунды и часто с летальным исходом для противника.

– Вовик, а почему вы не участвуете в этих баталиях? – спросила Эля.

– Во-первых, в них участвуют курсанты. А мы уже боевой отряд. Во-вторых, мне повезло: приказано познакомиться с Вами.

– А кто приказал?

– Как кто? Наш главный тренер – Альберт.

– А он скоро к нам присоединится? – спросил Костя.

– Вот сейчас генералы дадут оценку его работе, наградят очередным знаком отличия и отпустят. А сами пойдут выпить по рюмашке хорошего коньяка.

Ждать Альберта пришлось почти час. Он появился в штатской одежде, как всегда – стройный и подтянутый. Будто и не пришлось ему сегодня перенапрягаться, показывая чудеса ловкости.

– Здравствуйтесь, ребята! Спасибо, что дождались.

Он обнял Элю и поцеловал её в щёчку. С остальными обменялся крепкими рукопожатиями.

– А теперь что? – задал вопрос Вовик.

– Вперёд, – ответил Альберт, – разрешено выпить шампанского. Зови группу.

Сначала ехали на двух машинах. Когда въехали в город, одна машина свернула в сторону. Эля прижалась к Альберту, испытывая умиротворённую радость, счастье.

– Куда они поехали? – спросил Костя.

– Догадайся с трёх раз.

– В магазин!

– О! Если бы ты не был таким догадливым, нечего бы тебе было делать в охранной фирме.

Машина подъехала к девятиэтажному дому и остановилась.

– Станция Березай, кому надо – вылезай, – произнёс Вовик, выключая зажигание.

Лифт поднял их на пятый этаж. Альберт открыл дверь.

– Это моя хата.

Хата оказалась трёхкомнатной, в центре города. Спальня, гостиная и кабинет для работы. Вскоре приехали остальные из магазина. В гостиную набилось человек десять. В офицерской форме один Вовик. Остальные в штатском. Расселись.

– Дорогие друзья, – обратился Альберт к своим товарищам, – представляю вам: – это – Эля. Мы подружились с ней совсем недавно, но очень дорожим этой дружбой. Прошу

представиться.

Молодые офицеры выстроились в ряд и по очереди каждый, приложившись к ручке Эли, назвал себя: лейтенант Петр Мезенцев, старший лейтенант Антон Завьялов... Самым старшим из них оказался белобрысый капитан Виктор Ханов.

После этого установили в центре комнаты раздвижной стол. Покрыли скатертью и высыпали из двух сумок содержимое. Из спиртного только шампанское. Разложили в вазы фрукты, овощи, мясные продукты, торт. Альберт поставил чайник. Вовик наполнил бокалы шампанским.

– Ну? – вопросительно посмотрел он на Альберта.

Альберт открыл шкаф, вынул китель, надел. Майор спецслужбы России. На груди только значки: парашютиста, мастера спорта – и никаких наград. Альберт вынул из кармана звездочку, бросил её в фужер и широко улыбнулся.

– Ура! – тихо произнёс он, поглядывая на друзей.

– Ур-р-р-а-а! – разнеслось десятиголосое ликование.

Звон хрустальных бокалов, радостные восклицания, поздравления. Эля пригубила из фужера. Костя попытался налить ещё, но Альберт остановил его.

– У нас пост на спиртное. Только по шестнадцать капель.

– А чай будем пить? – спросила Эля.

– Будем, будем.

Эля разложила торт по тарелкам, разлила чай по стаканам.

Вовик поднял свой бокал:

– А теперь, ребята, за маленькую хозяйку этого прекрасного большого дома!

Эля смутилась, покраснела. С ней чокались ребята, каждый из которых стоил целого отряда серьёзных противников. Пили чай, ели торт. Эля увидела гитару, висящую на гвоздике. Взяла её, и комната наполнилась звуками семиструнной и мягким, завораживающим голосом Эли.

Молодые офицеры слушали с замиранием сердца. Эти крепкие ребята с твёрдыми мышцами, железными нервами и негибаемой волей расслабились, окунувшись в проникающее в душу пространство звуков.

Когда Эля закончила петь, раздались бурные аплодисменты. Она передала гитару хозяину квартиры.

– А теперь вы, – обратилась она к Альберту.

– А что петь будем?

– Гимн десантников, – предложил белобрысый капитан с ёжиком светлых волос.

Альберт сыграл вступление, и все хором подхватили любимую песню боевых разведчиков. Когда гимн был исполнен, Эля восхищённо заявила:

– Никогда не предполагала, что патриотический гимн может быть настолько лирически насыщенным.

– Это потому, что мы его сами сочиняли, – ответил белобрысый.

Потом каждый по очереди пригласил Элю на танец под гитару. В сольном танце класс показал Вовик. Воспитанная

службой и постоянными тренировками сдержанность пропала, и группа офицеров спецподразделения превратилась в весёлых балагуров. Время пролетело так незаметно, что вдруг взглянув на часы, Эля неожиданно всполошилась.

– Ой, ребята, совсем из головы вылетело. Мне ведь к десяти вечера надо быть в театре! А время уже десять. Сейчас будет звонить мой импресарио Василий.

– Ага! Концерт в Пскове? – сказал Вовик. – Извините, что подслушал.

– Да-да, поедem туда ночью на машине.

– Могу предложить вертушку, – включился в разговор белобрысый капитан, – прямо до Пскова. Высоты не боитесь? Альберт, разрешаешь?

– Нет вопросов. Сейчас.

Он отошёл на кухню и через пару минут вернулся.

– По коням! – скомандовал Альберт. – Я, Эля, Виктор и Вовик – в театр. Остальные по домам.

Раздался звонок. Эля приложила трубку к уху и сморщилась.

– Не ори так. Сейчас будем. Есть предложение лететь на вертолёте. Как ты?

– Я-то не против. Только нас здесь трое. Маша и Пётр тоже едут.

Эля посмотрела на Альберта:

– Там ещё трое.

– Тогда так, – решил Альберт, – Вовик за рулем одной

машины. Виктор – другой. Оба полетите пилотами в Псков. Антон и я после вылета доставим машины в гараж. Остальные по домам на метро.

Когда подъезжали к театру, Эля заметила, как нервно топчется Василий. Он раскрыл было рот, чтобы извергнуть то, что накипело у него в предчувствии срыва запланированного концерта. Но, увидев рядом с Элей солидного майора, успел только лязгнуть челюстями и хмуро спросил:

– Какой-такой вертолет?

– Летающий, – ответил за всех Вовик, – садитесь в машину и вперёд.

Аэродром представлял собой небольшую площадку в лесу для посадки вертолётов. Четыре пассажира и два пилота взобрались в небольшое помещение вертолёта. Альберт махнул рукой, Маша внутри вертолёта взвизгнула на высокой ноте, которую она никогда не брала на концертах, и вертолёт устремился на запад.

– Через полтора часа в полном порядке будут на месте, – сказал Альберт.

Василий договорился о встрече с ветеранами медицинской службы, и Эля вынуждена была ещё на два дня задержаться в Пскове. Она очень волновалась, что по приезде домой не застанет там Альберта. И её предчувствия оправдались. Когда был уже взят билет на поезд и близился момент встречи, Альберт вдруг позвонил и сообщил ей, что уезжает

на неопределённое время по очень важным делам. Через три дня ожидания она не выдержала и позвонила Вовику.

– Вовик, я очень волнуюсь. Куда Альберт уехал и зачем?

– Во-первых, не волнуйся. Альберт неуязвим. Во-вторых, куда и зачем, знает только начальство. Но не скажет. Жди спокойно. Как только что-нибудь прояснится, я позвоню.

Ещё через три дня Альберт позвонил и весело доложил:

– Всё в порядке, Эля. Скоро встретимся.

– Где ты?

– Эля, не волнуйся. Скоро буду.

И тут Эля услышала женский голос: «Руку, руку дайте, товарищ подполковник». И в телефоне раздались короткие гудки. Номер, с которого был звонок, оказался недоступен. Она срочно позвонила Вовику:

– Товарищ старший лейтенант, немедленно сообщите, в какой больнице находится Альберт.

– Хорошо, – ответил тот, – получу разрешение на посещение и Вас туда отвезу.

Время остановилось. Каждая минута превратилась в час. Эля ходила из угла в угол. В голову лезли всякие страхи: «Ишь как мы весело разговариваем, а рядом врач со шприцом скачет». Наконец Вовик позвонил.

– Ждите. Сейчас приеду.

«Опять ждать! Сколько ждать! Господи, только бы всё было в порядке».

В спецбольнице их встретил лечащий врач и повёл

по длинному коридору. Остановившись у одной из дверей в палату, он взглянул на взволнованную Элю и предупредил:

– Здесь, девушка, больные. И мы их лечим. Очень прошу, возьмите себя в руки и не расстраивайте больного... Не ахайте и не ревите.

Эля кивнула головой, и врач пропустил её в палату.

На кровати лежал улыбающийся Альберт. Голова его была забинтована до уровня глаз, левая рука, плечо и грудь – в бинтах. Нога в области щиколотки забинтована. Лицо красное, на первой стадии загара. Эля стояла с раскрытыми глазами и не могла выговорить ни одного слова.

– В футбол играл с папуасами, по булыжнику вместо мяча попал, – сказал Альберт, показывая здоровой рукой на ногу.

– Господи, что с тобой случилось?

И она наклонилась к нему, чтобы обнять его и развеяться.

– Стоп! – поднял Альберт указательный палец правой руки – Эля, ты любишь меня?

– Да, да, да! – И слезинка показалась на глазах.

– И я тебя тоже люблю. Запомни, это моя работа, и ты должна всегда верить, что со мной никогда ничего не случится. Болячки будут... и только. Ты должна привыкнуть к моим болячкам.

Пауза. Эля кивнула головой.

– Вот и хорошо. Через пару недель мы поженимся. Ты хочешь быть моей женой?

– Да. Очень!

Альберт улыбнулся.

– Я счастлив, Эля. А две недели придётся подождать. Ну, а теперь поцелуй меня.

Эля осторожно, чтобы не задеть перевязанную грудь, поцеловала его в губы. Это был их первый поцелуй.

Эля приходила к Альберту каждый день. Она проводила у него всё свободное от выступлений время. Отказывалась от выездных концертов. Василий нервничал, но терпел, полагая, что этот бзик скоро пройдёт, и она снова включится в прежний ритм работы. Альберт действительно через две недели встал на ноги, но врач категорически не отпускал его даже на прогулки. Лёгкие ранения головы, руки и ноги затянулись, а вот пулевое сквозное отверстие в груди требовало продолжительного лечения.

Обсуждая своих пациентов, врачи говорили: «Повезло подполковнику. Сквозное отверстие, и ни один важный орган не задет. А вот его напарнику Завьялову не повезло – пулевое ранение в голову. Недолго после операции протянул».

Через два месяца Альберт наконец вышел из больницы, и они с Элей пошли подавать заявление в ЗАГС. Решили эту радость скрыть от друзей и пригласить их прямо на свадьбу. Пришли домой к Альберту. Альберт снял пиджак с себя и курточку с Эли. В счастливом предчувствии она бросилась к нему в объятия. По всему её телу прошла лёгкая дрожь. Затянувшийся поцелуй отправил их в головокружительное

путешествие. Они перестали чувствовать время и пространство. Очнулись в постели. Альберт жарко целовал её в губы, шею, груди, живот. Эля вытянулась и застонала. И тогда их тела слились в одно – пульсирующее, насыщенное блаженством обладания друг другом. Слились сила и женственность. Страсть прикосновения и блаженство поглощения одной плоти другою, продиктованное природой для продолжения рода.

Альберт воспитывался в детском доме, а вот у Эли в Екатеринбурге были родители. Решено было слетать туда и получить добро родителей Эли на этот брак. Провожали молодых целой толпой сослуживцев и друзей.

Стюардесса по радио произнесла заученные слова о маршруте самолёта, попросила пристегнуть ремни, и оба почувствовали, как их по закону инерции прижало к креслам. Через некоторое время Альберт с Элей немного вздремнули. Когда проснулись, Эля задала Альберту вопрос:

– Почему, когда появились пароходы, тут же появились и спасательные круги, а потом – пояса, а самолёты летают уже сто лет безо всяких спасательных средств?

– Наверное, потому, что самолёты бьются в основном на взлёте и при посадке, когда среагировать на ситуацию уже некогда.

– Военные лётчики катапультируются, а гражданское население почему-то нет. Ты вот, например, на простых крыльях спустился.

– Видишь ли, для катапультирования и тем более повторения моего приземления требуется очень крепкий организм и тренированность, а у простых граждан, увы, этого нет. Но, если честно, я тоже удивляюсь, почему пассажиров не снабжают современными малогабаритными парашютами с автоматическим раскрытием.

Полёт подходил к концу, и они снова погрузились в сон.

Вдруг послышался глухой удар, и правый двигатель загорелся.

– Посиди немножко без меня, – сказал Альберт и подошёл к стюардессе.

Он что-то сказал ей, и она провела его в рубку пилотов. Альберт показал своё удостоверение и спросил:

– Что тут у вас?

– При снижении высоты в раструб что-то попало. Возможно, птица.

– До аэродрома дотянете?

– Если ничего больше не случится, может быть, и дотянем.

В это время загорелся второй двигатель правого крыла.

– Вот теперь не дотянем. Пора сливать горючку.

– Постарайтесь приводниться в озеро, чтобы по инерции вынесло на берег.

– Что вы конкретно предлагаете?

– Здесь скоро появятся большие озера, – сказал Альберт. – Я постараюсь найти здорового парня. При заходе самолёта на воду мы выпрыгнем из спасательного окна. Если столкно-

вение будет серьёзным, мы успеем вытащить людей на сушу. Ваша задача: угадать момент приводнения, чтобы по инерции самолёт вынесло на берег.

– А ты что? Летать умеешь?

– Умею.

Альберт вернулся к перепуганной Эле.

– Эля, будешь делать, что я прикажу. Тогда останемся живы.

– А что я должна делать?

– Прыгать вместе со мной из самолёта.

Лайнер постепенно терял высоту. Альберт спросил, обращаясь к пассажирам:

– Молодые спортсмены есть?

– Есть, – отозвался один коренастый парень. Судя по всему, профессионал по одному из видов борьбы.

Альберт отвёл его в конец пассажирского салона и объяснил задачу: раздеться, крепко привязать чем-нибудь документы, например, к предплечью, выпрыгнуть в спасательное окно, выжить, добраться до лайнера, помочь потерявшим сознание пассажирам выбраться из самолёта.

Вдали показались большие, многокилометровые озёра. Альберт разделся, приказал Эле снять верхнюю одежду и платье, забрал у неё документы и привязал их вместе со своими к руке там, где подмышки. Когда самолёт опустился до критической высоты, Альберт рванул крепление спасательного окна, выбрался наружу сам, уцепился левой ру-

кой за край обшивки самолёта и стал помогать Эле. В другом окне орудовал спортсмен. Сильный ветер сдувал Альберта и Элю. При отрыве можно было задеть хвостовую часть фюзеляжа. Это было смертельно опасно. Выбрав нужную траекторию полёта, Альберт, держа правой рукой Элю, оттолкнулся от корпуса лайнера.

Высота метров пятьдесят. Альберт понял, что если Эля согнёт в момент приводнения хотя бы ногу в колене, ударом о поверхность воды эту ногу вывернет. Поэтому он обхватил её ноги своими, прижал её правой рукой к себе, левой прижал её голову к своей груди. Удар о поверхность воды был оглушительным. Очнулся Альберт от толчка в дно озера. Быстро заработал ногами. Минута... две... три, челюсти начали дрожать от нехватки кислорода. Наконец вот он – воздух, дыши не хочу. Но Эля была без сознания. Начал прямо в воде делать ей искусственное дыхание рот в рот. Очнулась. «Её спасло то, что она потеряла сознание сразу при ударе о поверхность воды и перестала дышать, – подумал Альберт. – Иначе вода попала бы в лёгкие, и тогда ситуация была бы сложнее». Парня-спортсмена не было видно. Лайнер действительно вылетел на берег и прорубил своим корпусом большую просеку. Деревья вокруг начали разгораться. До берега далеко. Лёг на спину, одной рукой обхватил Элю, а другой стал усиленно грести к берегу.

«Черт! Не успею. А это кто?»

– Привет, парняга! Жив?!

– Жив, – ответил парень, выпрыгнувший из соседнего окна.

– Вот что. Эля, можешь с ним добраться до берега?

– М... могу.

– Парень, так мы оба опоздаем. Держи женщину, и плывите тихим ходом. А я туда, на помощь.

Альберт проверил сохранность документов и заработал руками и ногами, как машина. Выскочил на берег, когда лес вокруг лайнера горел. Вокруг бегали несколько человек: молодые парнишки, бабушки оттаскивали двух раненых мужчин. Входная дверь в лайнер была открыта. По-видимому, кто-то из obsługi открыл дверь и побежал за помощью. Альберт влетел в салон, отстегнул ремни безопасности двух пассажиров, схватил их и выбросил через дверь на траву.

– Принимайте, – крикнул пацанам, и снова – в салон.

Огонь уже заиграл по креслам. Альберт выбрасывал пассажиров одного за другим, как мешки с отрубями. Время решало всё. Перешёл в другой салон. Здесь людей было меньше, но салон был уже в огне. Некоторые пассажиры пришли в себя и выбирались самостоятельно. Сняв мокрую майку и надев её на голову, он продолжал работу.

«Все. Стоп! А пилоты?» Он бросился сквозь пламя в рубку пилотов. Там лежали два пилота и стюардесса. Назад возвращаться было поздно. Он растормошил стюардессу.

– Открывай давай!

– Что открывать?

– Боковое окно открывай!

Стюардесса сообразила, в чём дело, открыла окно, и вдвоём они выбросили на грунт раненых пилотов. Затем выпрыгнули сами.

Когда Альберт оказался среди спасённых пассажиров, половина людей уже пришла в себя и передвигалась. Остальные были тяжело ранены. Организованная группа относила их подальше от горящего лайнера. Среди спасателей были и Эля со спортсменом. Эля была одета в чужое платье значительно большего размера. Альберт обратился к группе пассажиров-спасателей:

– Ребята, дайте какие-нибудь штаны и рубашку. Очень неудобно в плавках бегать.

Пока Альберт одевался, очнулись пилоты. Один стонал, не имея возможности повернуться. По-видимому, повредил позвоночник. Старший пилот тряс головой. Альберт подошёл к ним.

– Ну что? Получилось?

– Получилось, – удовлетворённо ответил старший.

Когда Эля обсохла у костра, Альберт подал ей документы и сказал:

– Эля, проверь, всё ли в порядке.

– Да. Только намокли очень.

– Тогда так, пошли отсюда.

– Куда, Альберт?

– Элечка, лучше, если нас здесь не будет.

– А почему?

– Так надо, Элечка. Мне, по крайней мере, реклама не нужна. Пойдем. Здесь без нас разберутся.

– А как мы выберемся?

– Выберемся, выберемся. Начнутся поиски лайнера, наша служба знает, что я вылетел на нём. Дальше дело техники. У меня вживлён радиомаяк. Я его включу, и нас тут же найдут.

– А как включишь?

– Простым нажатием, Элечка, два раза.

Альберт и Эля двинулись вдоль берега озера. Часа через два послышался гул вертолётов, высланных из Екатеринбурга на поиски лайнера. Один из вертолётов оторвался от общей группы и приземлился там, где находились Альберт и Эля. Полетели. Специально высланная машина подъехала к вертолётной площадке в Екатеринбурге и доставила Альберта и Элю на одну из окраин города, где в деревянном коттедже проживали родители Эли.

Стук, стук.

– Кто там?

– Мама, это мы.

– Ой, сейчас. Входите. Ой! Элечка, ты такая помятая, будто по тебе телега проехала.

Появился папа. Перед ним стояла его растрёпанная дочь, одетая в какой-то мешок, а рядом с ней – молодой человек в шароварах, шлёпанцах и обгорелой рубашке. Руки моло-

дого человека были в бинтах, брови обгорелые, на левой щеке ожоговый волдырь, а в руке – большой букет цветов.

– Мама, папа, вот это мой жених Альберт. А это, – показала она на родителей, – Маргарита Ивановна и Николай Петрович.

– Здравствуйте, – Альберт поцеловал ручку маме, вручил ей букет полевых цветов и поздоровался с папой.

– Я чего-то не понял, – удивился Николай Петрович, – вы что, через всю Сибирь продирались?

– Мы любим с Элей путешествовать, – ответил Альберт. – Автостопом.

– Не придирайся, папа, завтра приоденемся.

– Устали с дороги? – спросила Маргарита Ивановна.

– Очень! – ответила Эля.

– Тогда в душ, отмывать экспедиционную пыль, – приказал Николай Петрович. – И за стол.

За ужином папа, во-первых, сделал неожиданное открытие: оказывается, жених Эли не пьёт водку! Однако, выпив три стопки, забыл про эту особенность Альберта и увлёкся разговором о политике: как было раньше и что будет дальше. Мария Ивановна тоже сделала открытие, обнаружив глубокий шрам на левой руке Альберта, но увлеклась разговорами об успехах любимой дочки на сцене и тоже забыла про особенности внешнего вида Альберта. Вечер прошёл интересно, с самоваром, мёдом и клубникой с собственного огорода. Альберт в разговоре показал свою эрудицию, здравомыслие

и остроумие. Папа с мамой остались довольны выбором своей дочки.

А утром после завтрака всё семейство собралось у телевизора. Последние известия потрясли родителей Эли. Оказывается, рядом с Екатеринбургом потерпел крушение лайнер, следовавший по маршруту Санкт-Петербург – Екатеринбург. Диктор подробно рассказывал о трагедии:

– Благодаря находчивости пилотов лайнер приводнился на крупное озеро и вылетел на погашенной водной стихией скорости в лесной массив. Послушаем, что об этом скажет наш журналист Виталий Серов.

На экране – вертолётная площадка, на которой собрались спасённые пассажиры. Среди них журналист Виталий Серов:

– В спасении раненых пассажиров приняли участие те, кто не был травмирован. В том числе трое, которые выпрыгнули из лайнера через окно в озеро, а потом включились в спасение раненых. Один из них проявил героизм, спасая пассажиров и пилотов лайнера из объятого пламенем самолёта. Давайте обратимся к непосредственным участникам этого события.

На экране появился парень-спортсмен:

– Я уж думал, хана нам, – говорил он, – а этот мужчина посоветовал мне выпрыгнуть в воду, чтобы потом спасти раненых в самолёте людей. Сам он выпрыгнул вместе с девушкой. По-моему, это была известная певица. А потом этот парень подавал мне из горящего самолёта раненных людей,

а мы с этой девушкой приводили их в сознание и перевязывали. Только вот куда они потом девались, не знаю. Во всяком случае, в спасательных вертолётах их не было.

– Да, был такой парень, – подтвердил журналисту старший пилот, – он нам посоветовал приводниться недалеко от берега озера, чтобы нас вынесло в лес. Он же нас и из рубки вытащил. Больше я его не видел.

По телевизору продолжался репортаж, а папа с мамой позорительно переглянулись, и папа, глядя на молодых, произнёс:

– Так, может быть, вы не по сибирским лесам-то скитались?

Его вопрос остался без ответа.

А ещё через месяц на пятом этаже многоэтажного дома звучала музыка, и тишину нарушала двадцатиголосая песня, исполняемая друзьями молодожёнов.

Ах, эта свадьба, свадьба пела и плясала,
И крылья эту свадьбу вдаль несли.
Широкой этой свадьбе было места мало,
И неба было мало и земли!

Случайная встреча

Однажды во время отпуска на побережье Чёрного моря он увидел ЕЁ и окаменел в шоке.

Встреча произошла случайно. Какая-то шустрая девчонка – ЕЁ подруга – толкнула его у входа в гостиницу.

– Чего стоишь как олопо, помог бы!

Он повернулся и встретился с НЕЙ глазами. Секунду он стоял как замороженный, затем в замешательстве произнёс:

– Коля, из тридцать восьмого номера, – и, стусевавшись, не дожидаясь ответа, взял чемодан и пошёл за шустрой девчонкой, попросившей помощи.

ОНА заметила его ошеломлённый взгляд, и это ей понравилось, как любой женщине нравится, когда она производит впечатление. Ей польстило, что такой красивый спортивно-го вида парень так непосредственно выразил своё восхищение ею.

Он был так поражен её красотой, что не решался подойти вторично, а она, чтобы привлечь его внимание, вдруг сама появилась в поле его зрения в компании с долговязым парнем, уделяя этому парню хорошо наигранное внимание.

Вечером он увидел, как её долговязый друг целует её, и понял, что его мечты

несбыточны, и он тут лишний. Но из головы никак не уходила эта поразившая его какой-то глубинной красотой де-

вушка. Он ходил, словно тень, под окнами её номера и слушал её смех попеременно с погогатыванием долговязого уха-жёра.

Наконец он не выдержал. Увидев однажды её в компании с друзьями, он подошёл и сказал:

– Здравствуйте!

Все повернулись к нему и замолкли.

Глядя на девушку, он сказал:

– Я хочу сказать вам несколько слов. Я понимаю, что вы меня совсем не знаете, и поэтому слова мои будут несколько удивительными для вас, шокирующими. Но пройдут годы, и, когда вам будет достаточно лет, когда сегодняшние беззаботные дни превратятся в приятные воспоминания, вы всегда будете вспоминать мои слова с некоторой тоской в груди. Я хочу остаться у вас в памяти. Простите меня, можно я буду называть вас на ты?

Она машинально кивнула.

– Я люблю тебя. Может быть, я тебя не совсем хорошо знаю, но я люблю тебя **ЛЮБУЮ**. Я понимаю бессмысленность своего признания, но я не могу оставить это в себе. Ты обязательно должна знать, что я люблю тебя всей душой. Образ твой будет всегда и везде сопровождать меня. Я всю жизнь буду любоваться тобой. Прости меня, если я нарушил твоё спокойствие. Прощай. Вспомни меня, когда тебе будет плохо, и тебе станет легче, потому что на земле есть обожающий тебя, любящий тебя человек.

Затем, обратившись ко всем, он сказал, «извините», и ушёл.

В группе воцарилось молчание.

Потом кто-то хохотнул. Зашумели. Кто-то сказал: «Чокнутый, какой-то».

А перед её глазами снова и снова возникал этот парень, стоящий по вечерам под её окнами, парень, чьи глаза были такими бездонными и нежными. Взглядом этих глаз он как будто проникал вглубь её сознания. Он обволакивал сердце в груди какой-то ласковой добротой, когда говорил своё признание. Когда он говорил, она не могла отвести взгляд, как заколдованная, смотрела в его глаза и видела в них огромный мир доброты и ласки вперемежку с тоской.

Он говорил и говорил, а она всё хуже и хуже слышала его, читая его мысли и наполняясь его чувствами через слитые воедино взгляды. По всему телу её распространялась какая-то сладостная слабость. Они слились взглядами и на какое-то время стали единым существом. Она ощутила всю глубину чувств, рождающихся в недрах его души.

И когда он кончил говорить, повернулся и ушёл, когда группа друзей, уже забыв о происшествии, хохотала над чем-то, она всё ещё стояла как вкопанная, и тот океан любви, который она ощутила в его глазах, продолжал плескаться в её груди.

Она не спала всю ночь, а наутро, уточнив у шустрой подружки, где он остановился, пошла искать его. Администра-

торша, занятая неотложными делами, сухо буркнула, что этот гражданин сегодня утром прервал свой отдых и отбыл домой.

В дороге он немного отдохнул от навязчивой тоски по несбыточной мечте, попытался в группе весёлых попутчиков развеселиться, пить вино, играть в карты, слушать анекдоты, но всегда, оставаясь один на один с собой, в тысячный раз анализировал своё поведение там, в санатории:

«Может, надо было выйти из этой дурацкой заторможенности, активнее внедриться в группу её друзей, попытаться завоевать сердце девушки. Конечно, если бы не шок, он так бы и сделал – дело-то известное. Но вступать на путь «завоеваний», будучи раненым в сердце!.. Нет. Тут не аукцион, тут настоящее. Тем более что она, кажется, была счастлива с этим долговязым. Вряд ли хватило бы выдержки вытерпеть роль мелкого беса, мешающего влюблённым. Нет, то, что я сделал, – правильно. Теперь главная задача – успокоиться. А для этого нужна работа. Физическая нагрузка вытесняет лирику. Надо быстрее домой – и на тренировки. Бегать, бегать и бегать. Пить? Глупость. От этого только хуже развезёт. А там: «Старший лейтенант! Смирно!» Боевой камуфляж, Чечня – и из головы всё сдует.

Но глаза! Глаза! Нет, она не была наполнена счастьем. Долговязый – это не любовь. Это – форма без содержания. О муки ада!»

Чувство незаконченности, неудовлетворённости собой, скрытого ожидания мучило его.

Она, смирившись с потерей, попыталась забыть происшествие, предаваясь утехам санаторной жизни, но, оставшись наедине с собой, постоянно вспоминала этот поглотивший всю её взгляд совсем незнакомого и такого близкого ей человека. Это было какое-то наваждение, и, когда наступил последний день отдыха, она вдруг испугалась того, что никогда больше не увидит его, потеряет всякую возможность встретиться с ним.

Мысль найти его возникла как-то сама собой, и взволновала её. «Как быть?» Она побежала к администратору, придумала что-то про какие-то вещи, якобы оставленные им, умоляла дать ей адрес. Администратор понимала, что это – естественный финал очередного южного краткосрочного романа, и не была готова помочь ей, понимая, что так может навредить очередному донжуану. Но, увидев умоляющий взгляд девушки, дрогнула и выдала адрес.

Она успокоилась. «Теперь только не наделать ошибок. Да и что это я? С ума, что ли, сошла? Ведь совсем не знакомы. Он даже имени моего не знает. О чём писать-то? Ладно – приеду домой, подумаю и напишу».

Дома сомнения, неуверенность продолжались. Наконец что-то толкнуло её, что-то игривое заиграло в ней, и она вдруг решила: «А зачем писать? Я сама поеду. Встану рядом,

скажу: „Привет!!“ – а там видно будет».

Решение, созрев, стало твёрдым, и вот она уже в поезде. Вот город, вот дом, вот квартира, вот кнопка звонка. Она с замиранием сердца нажимает кнопку. В дверях заплаканная мать.

– Здравствуйте. Где Коля?

– Уехал в Чечню. А вы – та незнакомка?

– Да. Он обо мне говорил?

– Нет. Вот – стихи писал. Смотрите. – И мать подала девушке тетрадку, исписанную мелким разборчивым почерком.

Прощай, незнакомка моя.

О! Как полюбил я тебя.

Но где ты? И как тебя звать?

Уже не дано мне узнать.

И снится мне лучик надежды

С туманности Андромеды.

Прощай, незнакомка моя.

Всем сердцем люблю я тебя.

Мне нечего больше терять,

Я еду в Чечню воевать.

– А где он? Письма есть?

– Вот, пришло одно.

– Спасибо. Я еду туда.

Теперь чувство неуверенности в себе пропало у неё, сомнения исчезли, но зато появилось лихорадочное волнение. Надо было торопиться. В её груди заработал мотор. Остановить его не могла уже никакая сила. «Туда, быстрее туда!»

– Дайте денег. В займы. Сколько есть. Я должна быть там. Я должна успокоить его. Никакие письма не годятся. Я сама должна быть там.

Сколько было труда, изворотливости, напряжённых поисков, испытаний, прежде чем она оказалась в зоне расположения нужной части. «С чего начать? Теперь, пожалуй, с конца». Какая-то неведомая сила понесла её в госпиталь. «Прежде всего убедиться, что его здесь нет».

И вот он! Тяжело раненный в первом же бою. Засада. «Господи! Жив!»

– Коля, это я. Милый мой!

Он открыл глаза. «Галлюцинация? Нет. Рядом врач – этот не приснится. Значит – она».

Они встретились взглядами. Её – с выражением бурной радости и сострадания и его – с выражением удивления и счастливой успокоенности. Наконец-то, тоска и мученья самобичевания закончены, от сердца отлегло, грудь наполняется жаждой жизни.

– Как тебя зовут?

– Валя.

– Спасибо тебе, Валя. А я – Коля. Теперь будем знакомы.

– Будем жить, Коля. Вместе. Я не успела тебе сказать – я тоже люблю тебя.

Они молча смотрели друг на друга и оба читали мысли друг друга. Они растворялись друг в друге. Вокруг что-то происходило: врач пытался вывести её из больничной палаты, кто-то прибежал с каким-то аппаратом, кто-то делал ему укол. А они смотрели друг на друга, и разделить их было уже невозможно.

Письма сыну

Он лежал на постели больной, прекрасно понимая, что из больницы его выписали умирать. Ему ещё было тридцать, а его уже поразила самая беспощадная, страшная болезнь, от которой нет спасения. С каждым днём он чувствовал себя всё хуже и хуже и мог уже приблизительно сосчитать дни, отпущенные ему для созерцания этого мира.

Любящая жена каким-то непостижимым напряжением воли пыталась скрыть от него ту огромную тяжесть души, свалившуюся на неё в последние несколько месяцев. Она прилагала много усилий, чтобы он не догадался о безвыходности его положения, и всячески пыталась успокоить его надеждами на выздоровление.

Он же, со своей стороны, прекрасно понимая, что с ним происходит, наблюдая поведение жены, терялся в догадках: то ли она всё знает и боится правдой расстроить его, то ли она действительно находится в приятном заблуждении по поводу перспектив его выздоровления. Вот почему он не рисковал заговорить с ней начистоту, чтобы не расстраивать раньше времени, и всячески старался подыграть ей, выражая надежду на прекрасное будущее.

А рядом, в соседней комнате, попискивало маленькое существо, родившееся пять месяцев назад. Сын. Он постоянно требовал к себе внимания мамы. Когда его маленькую

кроватьку подносили к папиной, он замолкал и внимательно смотрел папе в глаза, впитывая в ещё свободную, не загруженную память образ одного из своих родителей.

Больной отец видел, как тяжело его любимой подруге разрываться между маленьким ещё, беспомощным и большим, уже беспомощным родными существами.

– Господи! – думал он. – Помоги ей превозмочь всё это, помоги ей пережить предстоящую утрату, встать твёрдо на ноги и воспитать сына.

Как ему было невыносимо горько уходить навсегда от этого маленького милого создания, не услышав от него самое волшебное слово: «Папа». Как ему хотелось, чтобы свершилось чудо, которое позволило бы ему пусть даже не БЫТЬ рядом со своим ребенком, а просто созерцать его. О, как бы ему хотелось хоть раз в год, в три года поговорить с ним, дать ему совет, пока он не достигнет совершеннолетия и не превратится в полноценного гражданина.

И он решился. Он позвал к себе жену и серьёзно спросил её:

– Ты всё знаешь?

Жена побледнела, её губы дрогнули, и она тихо ответила:

– Да... всё.

– А он, – отец показал в сторону сына, – не знает. И пусть не знает до семнадцати лет. Будешь передавать ему письма от меня ко дню рождения. В последнем письме я ему сам всё объясню. Договорились?

– Хорошо.

– И вот ещё что. Извини меня, пусть это звучит сейчас кощунственно, но время расставит всё по местам. Ты молодая, тебе двадцать пять лет. Я желаю тебе счастья. Если появится достойный мужчина и ты его полюбишь, знай, что я ТАМ, если ТАМ что-то есть, буду рад за тебя. Пусть у него будет второй папа. Но первым пусть всё-таки останусь я, и пусть этот первый пишет ему письма из далёкого далека. Ладно?

– Ладно, – прошептала она и разрыдалась у него на груди.

Когда она успокоилась, он погладил её по голове и сказал:

– Держись, милая. Самое главное – продержаться первое время. Потом будет легче. Не расслабляйся. У тебя сын, и ты теперь отвечаешь за него, одна за двоих. Ясно?

– Ясно, – ответила она, вытирая платком слезы.

– Ну ладно. Теперь за дело. У меня слишком мало времени.

И он начал писать. Писем было семнадцать. Вот некоторые из них.

Письмо второе

Здравствуй, сынок! Здравствуй, Серёжа. Вот тебе уже и три годика. Видишь эту разноцветную картинку у мамы в руках? Возьми её. Это твой папа улыбается. Он всегда улыбается, когда вспоминает тебя. А это вот видишь? Это я тебе нарисовал лошадку. Знаешь, как она поёт? «И-го-го!» А вот

киска. Она мурлычит и поёт «мя... яу». А это кто? Правильно, это «гав, гав, гав», собачка. А это кто? Крокодильчик. Хочешь, я тебе про крокодильчика стишок прочитаю?

Вот зелёный крокодил.
Он по Африке ходил.
Плавал он по речке Нил,
Бегемотиков дразнил.

А когда бродить устал,
Про Серёженьку узнал.
И отправился он в путь
У Серёжи отдохнуть.

Очень любит мыться в бане,
Очень любит плавать в ванне,
Очень любит он с друзьями
Повалиться на диване.

Он всегда такой смешной,
Он совсем-совсем ручной,
И в его большую пасть
Что угодно можно класть.

Ну как? Смешно?

А это – бегемотик. Хочешь про бегемотика?

Есть на свете бегемот,
У него огромный рот;
Он всю жизнь в реке живёт,
Много ест и много пьёт.

Ну а если заорёт
Этот самый бегемот,
Разбегается народ,
Потому что жуть берёт.

Хватит, бегемот, орать!
Хватит всех вокруг пугать!
Приходи, коль голос есть,
С крокодилом Геной петь.

Ах ты, милый ты мой, скажи «папа». Молодец! Посмотри ещё раз на эту картинку. На ней я – твой папа. Я далеко-далеко. Даже если сильно бежать, всё равно не добежишь. А ты бегать умеешь? Хорошо! Только далеко от мамы не убегай. Ну прощай, мой дорогой, расти большой и не капризничай. Слушайся маму. Пока.

Письмо четвёртое

Сынок, Серёженька, я – твой папа. Я соскучился по тебе. Тебе уже сегодня пять годиков. Ты совсем-совсем взрослый стал. Как ты поживаешь? Ой, как много у тебя игрушек. Машинками увлекаешься? Молодец. Это что, гараж? Сам сконструировал? А кого ты на этих машинках катаешь? Зверей? Хочешь, я тебе стишок расскажу про то, как зверята катаются?

Все зверюшки и букашки,
Птички, рыбки, таракашки,
Бегемотики и мишки,
Львы, котята и маргышки
И детишки всех зверят —
Покататься все хотят.

Прямо «лексусу» на крышу
Взобрался здоровый Миша.

Ты куда это залез?
Лез бы лучше в «мерседес».

Если любите комфорт,
Полезайте в новый «форд»..
Может быть, устроит вас
Наш отечественный ВАЗ?

Обезьянки-хулиганки
Залезали в свои санки.
Что такое тут у нас?
Бегемот залез в КамАЗ.

А котёнок влез в Оку
И лежит там на боку.
Африканский лев со скуки
Покататься влез в «сузуки».

Едут, едут зайчики
В красненьком трамвайчике.
Зайчики в вагончике
Уплетают пончики.

Звуки смеха раздаются,
Все катаются, смеются.

Серёжа, у тебя друзья есть? Девочки и мальчики? Это хорошо. Старайся не драться. Никогда ни у кого не отнимай игрушки, лучше попроси – и тебе дадут поиграть. И сам не жадничай. Не давай в обиду девочек. Если девочка уронила мячик, надо его поднять и отдать ей, а то она будет плакать, и тебе её будет жалко.

Дорогой ты мой, мама тебя очень любит. Помогай ей и слушайся её.

Маму надо слушать
Кашу надо кушать.

Посмотри в окошко. Видишь, солнышко светит? Спроси у мамы, когда вы пойдёте погулять? Ну прощай, мой дорогой. Не забывай меня. Пока.

Письмо седьмое

Милый мой, дорогой сын. Вот тебе уже и восемь лет. Ты уже перешёл во второй класс. Теперь ты, наверное, читаешь быстрее, чем мама. Читай больше. Сказки, фантастику. Заведи себе распорядок дня и придерживайся его. Тогда времени хватит на всё: и на учебу, и на книги, и на игры. Старайся говорить только правду. Никогда никого не обманывай. Защищай слабых. Умей прощать слабости другим. Когда ты кого-нибудь прощаешь, ему становится стыдно, и он после этого становится лучше, честнее. Если девочка плачет, подари ей чего-нибудь, и она забудет своё горе. Пойми одну истину: отдать всегда приятнее, чем взять. Доброта вознаграждается не только окружающими тебя людьми и животными, она вознаграждается внутренним чувством твоей справедливости, чувством выполненного долга. Расти сильным и добрым. Прощай! До следующей встречи.

Письмо одиннадцатое

Здравствуй, сынок! Тебе уже двенадцать лет. Как учишься? Учиться надо только хорошо, а лучше – на отлично. Всё, что сейчас происходит, бывает один раз в жизни, и пропустить понапрасну время нельзя. Хочется побалагурить? Организуй свой день так, чтобы на всё хватало время. Читай классику. Она откроет тебе понимание мира духовного и материального. Она сделает тебя не только грамотным, но и умным. Начинай вести дневник. Пусть не каждый день, даже не каждую неделю, но регулярно. Потом, когда вырастешь, поймёшь, в какое интересное время ты жил. Мир быстро меняется, и тебе будет интересно вернуть свою память в прошлое.

И ещё: надо научиться терпеть. Кроме того, что надо быть грамотным и умным, надо быть ещё сильным и выносливым. Для того чтобы научиться терпеть, надо заниматься спортом. Сначала всеми видами: бегать, прыгать, плавать, кататься на лыжах, коньках. И только когда найдёшь то, что тебе понравится больше, начинай заниматься серьёзно. Знай, что первая половина дистанции в любом виде спорта – когда ты уже устал, а вторая – когда надо найти в себе силы в том же темпе пройти и эту половину. Если научишься этому, любые преграды в жизни сможешь преодолеть. И самое главное – ты их, этих преград, не будешь бояться.

Запомни также, сынок, что спорт, да и вообще нормаль-

ное здоровое состояние человека, несовместимо с проявлениями слабостей, которые приводят к куреву, алкоголизму. Искусственная радость уничтожает человека, делает его слабым, хилым и часто отнимает саму жизнь. В жизни есть много естественных радостей. Молодёжь делится на тех, кто понимает это, и на тех, кто этого понять не хочет. Постарайся быть среди первых, и более того, постарайся вытащить своих друзей из болота саморазложения. Прощай, сынок. Желаю тебе счастья! Папа.

Письмо шестнадцатое

Здравствуй, сынок. Поздравляю тебя с семнадцатилетием. Теперь ты закончил десять классов. Впереди большие перспективы. Человек отличается от всего живого – прыгающего, плавающего, ползающего – тем, что он награждён природным даром воображения и любопытства. Это побуждает его открывать всё новые и новые страницы мироздания. Совсем недавно людям посчастливилось быть свидетелями и участвовать в рождении того, без чего сейчас вы не представляете себе жизнь: телевидение, космонавтика, атомная энергетика, полупроводниковая технология в микроэлектронике, а с ней компьютеры, Интернет и многое-многое другое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.